



П. БОБОРЫКИН

Подгнившие «Веги»

(Конспект публичной лекции)

Милостивые государыни,
господа!

I

Ко мне обратились письмами некоторые из московских слушательниц и слушателей с одним главным мотивом, который я формулирую так: «Вы, П. Д., когда-то взяли темой публичной лекции в Историческом музее “русскую интеллигенцию” и защищали ее от тогдашних нападков. К тому же вы по праву можете считать себя как бы крестным отцом самого термина “интеллигенция”. Вам *надо* непременно высказаться по поводу той книжки, которая так всколыхнула нашу публику».

Исполняю это желание после того, как ознакомился с самым *corpus delicti*¹, т. е. с книжкой, где собрано столько обличительных доводов против того, что авторы разных статей, вошедших в сборник, называют «интеллигенцией».

И тут я должен буду сейчас же оговориться.

Авторы «Вех» придают этому термину (действительно, мною пущенному в русскую журналистику в 1866 году) совсем не то значение, какое я придавал ему, когда защищал «русскую интеллигенцию» от тогдашних ее обличителей, — к началу XX века.

Для меня (да и для всех, кто смотрит на дело трезво и объективно) под «интеллигенцией» надо разуместь *высший образованный слой нашего общества*, как в настоящую минуту, так и ранее, на всем протяжении XIX и даже в последней трети XVIII вв.

А по уверению некоторых авторов сборника, выходит, что к «интеллигенции» нельзя причислять ни Тургенева, ни Достоевского, ни Толстого (когда он не был еще вероучителем), ни одного из русских знаменитых писателей!..

И мы находим у этих авторов новое слово — «интеллигентщина», под которым они понимают известный только склад идей и настроений, связанных с известным социальным и политическим *credo*.

Но разве это не совершенно произвольно? Особенно если рядом с таким пренебрежительным словцом самый термин «интеллигенция» распространяется у них на всех тех, кто самозванно считает себя «интеллигентами».

Я в своей лекции и везде, где только задевал эту тему, имел всегда в виду то, что я называл «подлинной» интеллигенцией, и считаю *только такое* толкование правильным.

А рядом с «интеллигентщиной» (выражение, сочиненное кем-то в самое последнее время) вижу я во всех статьях сборника и прилагательное «интеллигентский» — мною не созданное, в котором есть такой же оттенок пренебрежения, как и в жаргонной кличке «интеллигентщина».

Остается только спросить: к какому же сорту развитых людей принадлежат и сами авторы: к *подлинной* интеллигенции или к «интеллигентщине»?

II

Ясно одно — что авторы сборника придали определенному понятию «интеллигенция» смысл ограниченный или же слишком растяжимый и говорят в своих статьях *совсем не об одном и том же*. У них интеллигенция — и «нигилисты», и «социал-демократы», и «социалисты-революционеры», и кружки всякого рода, литературные и подпольные; а в одном из этюдов, последнем, где нравам интеллигенции достается всего сильнее, она *отождествляется главным образом с русским студенчеством XX века...*

Словом, сумбур чрезвычайный.

Когда беседующий с вами произносил свою публичную лекцию о русской интеллигенции, он защищал ее от нападок — кого?.. Как раз из тех сфер, которые в сборнике называются по-новому: «интеллигентщина».

Тогда нападки шли главным образом из мира литературного *босаячества* под обаянием того писателя, который выступил с

протестами босяков всякого рода, в том числе и таких, которые мнили себя также «интеллигентами».

Шли нападки и от толстовцев, с их проповедью опрощения, на мистической подкладке, с их ненавистью к науке, точному знанию, в особенности к социологии, и ко всем освободительным стремлениям политического и социального характера.

Вот таких врагов *подлинной* русской интеллигенции можно было бы причислить к «интеллигентщине». Но о них авторы сборника ничего не говорят в таком же обличительном тоне... Выходит даже, что они как бы одобряют всякий такой поход против «интеллигенции», которой они совершенно произвольно придают односторонний смысл...

В чем они правы, так это в том, что под кличку «интеллигентщина» собрали они и все то, что в нашей литературной, общественной и политико-социальной жизни приобрело чисто русский оттенок крайней тенденциозности, нетерпимости и узости, почему у нас до XX века в литературе и в обществе в загоне были и художественное творчество, и эстетика, и чистое, строгое знание, и философия, и этика — словом, все, что не было окрашено в колорит узкого *credo*, что не проникнуто было крайним *утилитаризмом*² и не вело к такой же крайней *нетерпимости*.

Это преобладающее *настроение* и позволительно, пожалуй, назвать «интеллигентщиной», но *подлинная* интеллигенция, т. е. *истинно развитой класс русского общества*, в этом не виновата и всегда сама страдала от такой узости и нетерпимости.

III

Но — спрошу я — разве авторы сборника *первые* в русской печати указывают на это?

Десятки лет прошло с тех пор, как беседующий с вами стал одним из первых протестовать во имя свободы духовного развития против такого *доктринерства*, откуда бы оно ни исходило!..

Разве со вчерашнего дня известны, например в печати, и слова «кружковщина», и в особенности «направленство»? Первое было пущено раньше второго, в редакции которого я должен также повиниться. И оно очень быстро привилось, хотя само *направленство* (т. е. *тенденциозность и нетерпимость*) и продолжало господствовать.

В самые последние годы стало раздаваться словцо «освобожденство», когда желают указывать на тот же недуг наших «интеллигентских» кружков.

Сколько писателей в разных родах — и беллетристов, и поэтов, и критиков, и публицистов — страдали у нас от *кружковщины* и *направленства*. Они находились под гнетом того общего давления (на которое указывают и авторы статей сборника), какое десятки лет производило, да и до сих пор еще производит сведение у нас *решительно всего* к публицистике, к политике, к социализму, к морали, понимаемой в самом узком, кружковом, смысле.

На все это беседующий с вами целыми *годами* указывал во всем том, что он печатал и публично говорил.

Наша литературная критика пребывала до XX века в тенетах такого направленства. И еще в 1900 году в моей книге «Европейский роман в XIX столетии» моя защита свободы творчества и самодовлеющей красоты, мои протесты против духа нашей критики, проникнутой *моралью* (не философской, а кружковой) и *публицистикой* были главной причиной того, что книгу мою встретил целый ряд неодобрительных рецензий, в которых прорывалось почти негодование за то, что я смел проповедовать *самостоятельность* творчества, законность и необходимость области *прекрасного*.

Кто тогда поддержал мои идеи и протесты?..

Критики нового литературно-эстетического *credo*, так называемые «декаденты», потому что одним из канонов их *credo* было возвеличение *красоты* и вытекающая отсюда проповедь *полной свободы, художественного творчества*^.

Высвобождение из-под гнета «кружковщины» и «направленства» и стало у нас происходить сначала в сфере *эстетики*, а не в других областях мышления и знания, откуда ему следовало бы также явиться.

Но это «раскрепощение» теперь — уже совершившийся факт, хотя еще и не всеобщий.

IV

Если можно за что сказать некоторое «спасибо» авторам сборника, то это за то, что они так смело обличают все темные стороны «кружковщины» и «направленства».

Теперь говорить об этом можно уже совершенно свободно. Но — повторяю — заговорили об этом *не они первые*, и им при-

надлежит только более детальная разработка такого «обвинительного акта».

К началу XX века в критике того литературного лагеря, который выступил с другими взглядами на поэзию, на творческую литературу, на красоту вообще и на мораль, уже раздавались все чаще и чаще голоса, протестующие против закрепощения всех областей ума и чувства политике, социализму, публицистике и кружковой морали.

Предшественниками этих протестантов были те — правда, очень немногие — писатели старых поколений, к которым имеет право причислять себя и беседующий с вами в эту минуту.

Обвинительный акт, составленный авторами сборника, был бы гораздо убедительнее, если бы их *номенклатура* не страдала такой неопределенностью и сбивчивостью. Они или валят все «в одну кучу», или придают термину «интеллигенция» ограниченный и произвольный смысл, на что им и до меня было уже указано с разных сторон, и устно, на прениях, и в нескольких газетных и журнальных статьях.

«Интеллигенция», и в данном случае *русская* интеллигенция, состояла и состоит из людей высшей умственной и *этической* культуры, принадлежащих к *разным* лагерям, партиям и направлениям, но есть несколько основных начал, которых она всегда держалась. Эти начала:

1) Признание науки руководящей нитью при выработке своего миропонимания.

2) Сочувственное отношение ко всем высшим приобретениям культуры.

3) Требование гражданской свободы как для отдельной личности, так и для общества в его совокупности.

4) Демократизм общего настроения, вытекающий из искреннего интереса, который *подлинная* русская интеллигенция всегда имела к судьбе народа, крестьянской массы, а впоследствии и рабочего пролетариата.

5) Защита свободы совести в религиозной жизни и протесты против векового гнета, который исходил от государственно-полицейского церковного быта.

Под этими пунктами, надеюсь, подпишется всякий *подлинный* «интеллигент».

Любовь к народу и является в обличениях некоторых авторов сборника одной из самых *тяжких вин* русской интеллиген-

ции, опять без оговорки — какой именно: частичной или общей.

Народолюбие, по уверению этих авторов, лишило ее всякой свободы мышления и нравственного чувства, превратило ее в какую-то демагогическую секту.

Народничество — действительно отличительная черта русского интеллигента. Это идет от Радищева, вошло в *credo* славянофилов, было основным мотивом политико-социальных симпатий и упований Герцена, хотя он и считался «западником», сделалось своего рода религией для его друга Огарева, в 70-х годах создало целую литературную школу «беллетристов-народников» и положено было в основу освободительного движения, во всех его фракциях и кружках молодежи — и явных, и подпольных.

Все это так. Но народничество, при всех своих увлечениях и преувеличениях, исходило все-таки из великодушного чувства, из благородной идеи служения народу, из осознания своей *задолженности* перед ним, своей прямой обязанности вернуть ему и *землю и волю*.

Культ «мужичка», «обсахаривание» деревни и общины, проповедь «власти земли», вся та покаянная идиллия, которую проделывали тогда беллетристы и публицисты известного лагеря, нельзя было принимать без оговорок. Эти оговорки и были делаемы, и не раз, в разных смыслах и с разных сторон.

И я посвятил народничеству особый этюд, появившийся за границей по-французски, «Le culte de peuple dans la littérature russe contemporaine»³.

И *тогда* выступать в таком духе и тоне, в каких была написана эта вещь, было небезопасно, и гг. народники *долго* давали мне это чувствовать.

Но сама жизнь многих из них отрезвила. Утопии и идиллические мечтания отошли, а осталось все-таки живое и *действенное* сочувствие доле трудового народа, многомиллионной крестьянской массе.

И это сделалось *первенствующим мотивом* в жизни нашего представительства. На аграрном вопросе споткнулись обе Думы. Он и теперь еще ждет своего решения в духе симпатий и мнений... кого? *Да все той же русской интеллигенции!*

Неужели за *это* народ наш ее «ненавидит» — как утверждает в безусловном тоне один из ее обличителей?

Всякий «сознательный» мужик знает, кто защищал его кровную нужду в обеих Думах, даже и в третьей.

К чему же призывают *провинившуюся* русскую интеллигенцию авторы «Вех»?

— Покайтесь! — зывают они хором.

И то, что они предлагают как панацею, как целебное средство и должно символически изображать собою выбранное ими слово «вехи»?

Какие же это *вехи*! Вехи бывают разные: одни твердые, только что сделанные из молодого дерева, а другие — более или менее *подгнившие*.

Призыв к самосознанию, к самоуглублению, к возврату внутрь себя, к «примату» *личности*, к духовному самосовершенствованию — ото всех этих красивых фиоритур отдает — только общее и замаскированное — тем же, чем и от проповеди яснополянского мудреца. Но у него призыв к любви и непротивлению злу основывается на *открытом* исповедании того догмата, что, поступая так-то и так-то, человек исполняет прямой божеский закон.

А тут вы слышите или чувствуете желание у большинства авторов заменить положительные стремления русской интеллигенции к свободе и гарантиям прав гражданина расплывчатой мистической закваской и старой погудкой о том, что без личного «возрождения» нельзя добиться ничего и в политико-социальной жизни.

Под защитой якобы науки, философии, морали, искусства, религии вы распознаете (у тех авторов, кто высказывается пооткровеннее) подведение идеалистических *мин* против *точного* знания, *научной* философии и морали, *свободной от всякого догматизма*.

В заключение скажу еще вот что: «Вам, гг., известна так называемая «уваровская» формула, состоящая из трех членов?»⁴

Извольте подставить под первое слово — «конкретный идеализм» одного из авторов, под второе — «государственность» и под третье — «национальное лицо» его коллег по сборнику — и вот вам целиком уваровская формула...

Такая «веха» вам, вероятно, не требуется? И в этом убеждении я заканчиваю мою беседу с вами.

(В защиту интеллигенции. Сб. статей. М., 1909. С. 119—138; первоначально опубликовано в газете «Русское слово», № 111, 17 мая (30), 1909)

